

18+

Александр Мильштейн

ЛИЧНОСТЬ В СИТУАЦИИ Рассказы

Александр Мильштейн

Личность в ситуации. Рассказы

«Издательские решения»

Мильштейн А.

Личность в ситуации. Рассказы / А. Мильштейн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536788-4

Серия рассказов о хитросплетениях жизни, переходящих зачастую в область лишнего счастливого финала драматизма, однако сдобренного при этом вкраплениями иронии. В сюжете рассказов акцент ставится на поведении личности, оказавшейся в сложной и нестандартной жизненной ситуации.

ISBN 978-5-00-536788-4

© Мильштейн А.
© Издательские решения

Содержание

КОЛЮЧАЯ РЕКЛАМА	6
ПЛОХАЯ ДОЧЬ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Личность в ситуации Рассказы

Александр Мильштейн

© Александр Мильштейн, 2021

ISBN 978-5-0053-6788-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОЛЮЧАЯ РЕКЛАМА

Сотрудники креативного отдела рекламного агентства «Краснобай» робко подпирали стены приемной директора – на два часа было назначено совещание, которое грозило перейти в головомойку, так как особых творческих успехов в последнее время не наблюдалось. Только молодой разухабистый PR-менеджер Веня Угодников плюхнулся в кресло рядом с Альбиной – новой секретаршей директора, являвшей собой юное создание, наделенное стройной фигурой и милостивым личиком. Одаривая секретаршу комплиментами, он как бы невзначай положил ладонь на коленку, провокационно выглядывающую из-под короткой юбочки, и тут же одернул руку – это Альбина ловко прищипорила его ногу острым каблучком туфельки.

– Спятила! – удивленно вытаращил глаза Веня, вскакивая с кресла.

– Так будет с каждым, кто попытается погладить меня против шерсти, – усмехнулась Альбина.

– Да может, ты мне нравишься, и я хочу на тебе жениться, – привел Веня аргумент, который, по его мнению, гарантировано снижал уровень недоступности девушек.

– А как ты в школе учился?

– Ну, вообще-то, неплохо, случались, конечно, и двойки, – обескуражено ответил Веня.

– Тогда запомни, приятель: такие девушки, как я, достаются только круглым отличникам! – нарочито строго отрезала Альбины.

Под язвительные смешки коллег еще более обескураженный Веня замер с открытым ртом, соображая чтобы ответить, но так и не ответил – сотрудников пригласили в кабинет.

Директор и одновременно владелец агентства Эразм Разводов, вальяжный господин средних лет с хорошо поставленным голосом, начал разнос без всяких преамбул. Опять топчемся на месте! – громыхал он. Где новые идеи? Где новые рекламные ходы? Куда делись ваши мозги – высохли? Срочно необходим новый трэш – крутой универсальный трэш, способный завоевать внимание всей страны. Что-то типа Лени Голубкова, но выше уровнем – без дешевого примитивизма. Так, чтобы на него западали, чтобы о нем говорили и сочиняли анекдоты. Ну, давайте ваши предложения – ведь вы креативщики!

– Может, пригласить Филиппка? – нерешительно промолвил завождем.

– О Господи! – взмолился Эразм. – Не вижу оригинальности! Будто деятелей шоу-бизнеса никогда не привлекали в рекламу. Что они могут, кроме как фальшиво улыбаться, скандалить и драть бешеные деньги. Да и физиономии их давно приелись – особенно у Киркорова.

– А что если политика какого выдернуть? Вот Горбач, например, в свое время неплохо пиццу рекламировал. Сейчас много бывших, и дерут они по-божески, – раздалось еще одно предложение.

– Черт подери, вам не рекламой стратегией заниматься, а сочинять тупые объявления о распродажах конфиската! – гневно отреагировал Эразм. – Отставные политики погрязли во лжи еще с тех пор, когда были при власти – кто на них нынче поведется. В таком случае уж лучше приглашать двойников Сталина и Ленина, болтающихся на Красной площади – они хоть на вид колоритнее.

Креативщики понуро молчали, тогда Эразм наугад ткнул пальцем в сторону сидевшего на отшибе Вени:

– Ну, что притихли? Ты вот, например, какую можешь предложить идею?

– Я?.. – переспросил Вени, до сих пор не вышедший из состояния грогги, в которое был ввергнут неприступной обольстительностью Альбины, как вдруг его осенило: – Я предлагаю идею сексапильной, самоуверенной, острой на язычок девицы, способной завораживать мужиков и вызывать зависть баб. Что-то среднее между женщиной-вамп и стервой – красивой, но с шипами, как у розы.

– Среднее между вамп и стервой, говоришь, – задумался Эразм. – А что – недурственно. Даже, можно сказать, хорошо. Очень-очень хорошо!.. Как тебя величать?.. Вениамин... На каком окладе сидишь?.. Пятьдесят тысяч рублей – господи, так мало! С завтрашнего дня будешь получать сто тысяч! Все, ребяташки, заматано! Засучите рукава и работайте над рекламной концепцией – чтобы к понедельнику лежала у меня на столе!

И понеслось! Креативщики быстро создали рекламный образ. От использования девицы решили отказаться – девица, какой бы броской не была, на вамп не тянет. Выбор пал на даму бальзаковского возраста – обворожительно-холодную, загадочно-томную и высокомерно-саркастическую. Провели кастинг, в ходе которого выбрали малоизвестную актрису периферийного ТЮЗа – у себя в театре она играла Снежную Королеву. Долго искали звучный, соответствующий имиджу псевдоним. Наконец, нашли – Юлиана Колючая. Главная фишка заключалась в алгоритме поведения – его держали в секрете и раскрывать планировали постепенно.

Через месяц на одном из кабельных телеканалов стала появляться необычная картинка. Элегантная дама, грациозно покачивая бедрами, неторопливо шествует по пассажным линиям ГУМа, провожаемая плотоядными взглядами охранников и зазывал бутиков. Идеальная фигура, точеные ножки, красивое надменное лицо с равнодушно-скучающим взглядом, чуть ироничная улыбка, притаившаяся в уголках губ. Каждый раз новая прическа, каждый раз новый наряд и украшения. Во всем ее облике просматривалась женщина, привыкшая всегда получать желаемое.

Народ недоумевал – что за фифа такая прогуливается? Быть может, жена олигарха от нечего делать решила покрасоваться или торгаши что-то задумали? Но торгаши сами недоумевали, а потом обеспокоились: разве может столь роскошная дама демонстративно игнорировать престижные бутики – это же антиреклама. Неудивительно, что скоро агентство «Краснобай» заключило более десятка договоров с торговыми фирмами, обосновавшимися в ГУМе. Теперь Юлиана Колючая попутно заглядывала в бутики, выбирала дорогие предметы дамского обихода, снисходительно улыбаясь при этом – дескать, нашлось, наконец, что-то более-менее стоящее. И никакой назойливо-трескучей рекламы. За ней тянулся шлейф празднующейся публики. Любопытных интересовало, на что же она польстилась – и многие тоже покупали приглянувшиеся ей вещицы.

Скоро Колючая перекочевала на ряд ведущих телеканалов, а круг ее интересов от косметики и дамских сумочек вырос до ювелирных изделий, эксклюзивной мебели и дорогих автомобилей. Не забывались и престижные рестораны – регулярно заходила и в гордом одиночестве выпивала чашечку кофе или бокал мартини, исподволь фиксируя бросаемые на нее мужские взгляды. Каждый выход в свет превращался в демонстрацию самоуверенности, тонкого вкуса и снобизма. Мужчины неожиданно обнаружили, что вполне могут обходиться без просмотра по ТВ футбольных матчей английской премьер лиги и американских боевиков, но никак без шопинг-прогулок Колючей. «Ох, Юлиана, молодец девчонка!» – восхищались они, когда Колючая без лишних разговоров садилась в салоне за руль новенького авто. Женщины были настроены не столь восторженно – тем не менее, намекали мужьям и любовникам, что не прочь обзавестись аналогичной моделью.

Наконец настал момент, когда Юлиана заговорила – да так, что полностью оправдала свой колючий имидж. Сначала ее пригласили в одно ток-шоу, потом в другое, третье. О чем можно разговаривать с такой дамой? – разумеется, о ее отношении к любви, браку, семье и мужчинам. Въедливые ведущие обрушивали на Колючую шквал вопросов:

– Почему вы до сих пор не вступили в брак?

– Брак схож с оконной занавеской – узор миленький, но мира уже не увидишь! – отвечала Юлиана. – Для умной женщины, не желающей стать ни матерью-одиночкой, ни матерью-героиней, достаточно одного флирта. Кроме того, нет никакого равенства в матримониальных отношениях: мужчина ухаживает за девушкой не больше года, а вот жена после заключения брака возится с мужем всю оставшуюся жизнь – это не по мне.

– Вы любите детей?

– Конечно! Дети – это цветы жизни, однако лично я предпочитаю, чтобы они росли на чужом подоконнике.

– Что вы думаете про любовь?

– Следует меньше уделять внимания этому чувству. Любовь становится моральным грехом, когда делается главным занятием жизни, так как расслабляет ум и заставляет деградировать душу.

– А как поступать женщине, к которой все-таки пришла любовь?

– Что ж, если у женщины есть любовь, пусть ищет для нее любовника!

– Вы одобряете супружеские измены?

– Да, особенно женщинами.

– Почему?

– Потому что добродетельные женщины стареют быстрее.

– Как вы относитесь к современным мужчинам?

– Без всякого пиетета – мужчины любят, чтобы их водили за руку, но считали большими.

– Что вам еще не нравится в мужчинах?

– Быстро портятся: до свадьбы – они стройны, энергичны, находчивы; после – тучны, ленивы и несообразительны.

– Цените ли вы в мужчинах ум?

– Ценю, если нет других достоинств.

Мужчины, словно истые мазохисты, млели от подобных откровений и колкостей в свой адрес, женщины горделиво вздергивали носик – мол, вот вам и слабый пол. По всей стране стали появляться фан-клубы Колючей, на ее сайт валом шли восторженные письма, а также признания в любви с предложением руки и сердца. Тысячи мужчин, беспокойно ворочаясь ночью в постели, взывали во сне «Юлиана! Юлиана!». Некоторые лишённые чувства ревности жены откликались и совсем не жалели – страстности их супругов позавидовал бы сам Казанова.

Эразм Разводов ликовал: наконец-то в деятельности агентства «Краснобай» полностью реализовался главный принцип рекламы – целиться в голову или сердце, чтобы рикошетом

попасть в кошелек. Как-то раз к нему на прием пришел пожилой еврей – хозяин небольшой скорняцкой фирмы, клепающей мужские меховые шапки. Он еще при социализме, будучи цеховиком, занимался этим бизнесом. Тогда были благодатные времена, плакался в жилетку скорняк – не то, что пыжиковые, кроличьи шапки шли на «ура!». А сейчас полный застой: все или нахлобучат капюшоны, или натянут по самые глаза вязаные шапчонки. А то вообще ходят зимой без головных уборов – идиоты! Эразм хотел было послать скорняка подальше – агентство уже давно чуралось подобной мелочевки, – но интуиция подсказывала, что посредством зимних шапок можно извлечь колоссальный профит.

Интуитивная догадка быстро переросла в оригинальный план. Первым делом учредили и раскрутили еженедельную газету под претензионным названием «За здоровье народа». На ежегодной большой пресс-конференции президента Колючая получила аккредитацию как корреспондент этой газеты – что само по себе стоило немалых трудов. Ее появление в зале вызвало ажиотаж. Разумеется, службе протокола не могла не предоставить право задать вопрос корреспонденту столь пекущейся о здоровье народа газеты.

– Господин президент, почему вы наплевательски относитесь к здоровью?.. – представившись, спросила Колючая.

– С чего вы взяли? – нахмурил брови президент. – Я нахожусь под постоянным медицинским наблюдением, регулярно занимаюсь физкультурой, даже спортом – играю в хоккей...

– Я имею в виду к здоровью своих сограждан, – перебила Колючая.

– Вы ошибаетесь, бюджетные ассигнования на здравоохранение неуклонно растут и в следующем финансовом году составят...

– Дело вовсе не в ассигнованиях, – еще раз перебила Колючая.

– Тогда в чем? Разъясните, пожалуйста, – с тревогой в голосе попросил президент.

– Разъясняю. Вот вы, например, прибываете зимой в Красноярский край. Что мы видим на экранах телевизоров? Вы в тридцатиградусный мороз спускаетесь по трапу самолета, приветствуете встречающих вас официальных лиц и вместе с ними направляетесь к кортежу автомобилей – без головного убора! Ваш авторитет в стране очень высок, и для многих вы являетесь примером – примером мужественности, целеустремленности и работоспособности. Но какой пример вы подаете, расхаживая без шапки по морозу? Понятно, что при подобных церемониях вы лично морозитесь не более пяти минут, но те, кто старается подражать вам, ходят зимой с непокрытой головой по несколько часов в день. В результате – простуды, воспаления, менингит. А в конечном итоге, под угрозу ставится здоровье нации. Я убедительно прошу Вас, господин президент, носить зимой головной убор и в качестве подарка хочу преподнести эту прекрасную меховую шапку-ушанку отечественного производства. Носите на здоровье!

Аудитория замерла. Президент, никогда не лавивший за словом в карман, тем не менее, стушевался, как Веня Угодников перед Альбиной. С натянутой улыбкой он вымолвил:

– Спасибо, Юлиана, я внесу корректировки в свой гардероб.

И действительно внес – при очередном вояже на Север президент красовался в подаренной ушанке. Меховые шапки-ушанки моментально вошли в моду – во всяком случае, чиновники всех рангов сочли долгом иметь такую же шапку, как у президента. Бизнес скорняка резко пошел в гору, а «Краснобай» превратился в ведущую фирму на рекламном рынке. Стоило теперь Колючей хотя бы задержать на товаре взгляд, как его торговая марка становилась брендом, и Эразм Разводов почти каждый день заключал многомиллионные договора на рекламу. Сама же Юлиана стремительно ворвалась в первую десятку лиц по числу упоминаний в СМИ. Ее начали зазывать не только в ток-шоу, но и на серьезные общественно-политические передачи. Аналитики «Краснобая» с утра до вечера процеживали тома классиков от Шекспира до Шолохова и речи политиков от Черчилля до Черномырдина в поисках искрометных колких фраз, которыми вооружали Юлиану. В конце концов, на пике популярности ей предложили войти в список кандидатов в депутаты Госдумы от одной влиятельной политической партии.

Однажды утром Эразм Разводов как всегда просматривал свежие газеты. Вдруг его лицо побавровело, и он со всей силы треснул кулаком по столу.

– Альбина, срочно ко мне руководителей всех подразделений!

Через пять минут недоуменно переглядывающиеся руководители собрались в кабинете шефа.

– Это что такое! – гневно швырнул на стол газету Эразм.

На первой полосе была размещена крупная фотография Юлианы Колючей с пухлощеким карапузом на руках и аршинный заголовок «Женщина-вамп готовит борщ и штопает носки!». Далее в сенсационной статье выкладывалась вся подноготная Юлианы, из которой, в частности, следовало, что она вовсе не роковая женщина, что она уже семь лет как замужем, являясь заботливой женой и любящей матерью двух малолетних детей, которые с отцом и бабушкой проживают в соседнем со столицей областном центре.

– Папарацци проклятые, все-таки пронюхали – выругался Эразм и, беря себя в руки, спросил: – Что будем делать, любезнейшие?

– Подадим на нее в суд, – ответил зав. юридического отдела, – она по трудовому соглашению обязывалась три года безвыездно жить в арендованных нами апартаментах и не иметь никаких контактов с родными-близкими.

– Да на кой лад нужен этот суд, что мы там поймеем – рублевую неустойку! – вновь начал негодовать Эразм. – Начальник службы безопасности, куда смотрели твои архаровцы? Уволю всех к чертовой матери!

– Оплосали, шеф, не доглядели, – замямлил короткостриженный крепыш с бычьей шеей, – да и кто бы мог подумать, что эта овца сбежит на целые сутки домой. Всегда тихая, даже боязливая – придет умаявшаяся со съемок, по скайпу поговорит с домашними и спать. А от этих журналюг, доложу вам, прохода не было – постоянно караулили ее у подъезда, хотя мы несколько раз били им морду.

– Полтора года вдали от детишек – какая мать выдержит. Вот и рванула в самоволку, – заметил зав. маркетингового сектора.

Совещание прервала череда телефонных звонков. Наконец Эразм в сердцах бросил трубку, велел Альбине отключить стационарные номера и подытожил:

– Так вот – Колючка наша теперь без шипов, и толку от нее ноль. Как будем выкручиваться? Уже заказчики трезвонят – беспокоятся! А нам в ближайший месяц – кровь из носа! – надо прорекламирровать новый кошачий корм, зимний отдых в Крыму, последнюю модель АвтоВАЗа, отбеливающую зубную пасту и еще бог знает что! Заведующий креативным отделом, вся надежда на твоих молодцов – после обеда жду вас со свежими идеями.

Увы, свежих идей не наблюдалось – креативщики почивали на лаврах все время пока Колючая собирала богатую жатву своей популярности.

– Ну, ребяташки, рожайте-рожайте! Опять нужен новый трэш! Если вы ничего не родите, фирма понесет колоссальные убытки! – взывал Эразм к понуро сидящим креативщикам, но уразумев, что роды принять не удастся, персонально обратился к Вене:

– Вениамин, что молчишь – ты ведь светлая голова! Давай, напрягись – вспомни, какая у тебя баснословная зарплата. Дерзай, дорогой, дерзай!

Однако Веня виновато улыбался – парень напрочь потерял способность здраво соображать. Два месяца назад состоялась его свадьба с Альбиной, чье сердце он усердно завоевывал больше года, и теперь подтверждался один из перлов Юлианы Колючей «До свадьбы мужчины стройны, энергичны, находчивы: после – тучны, ленивы и несообразительны...»

ПЛОХАЯ ДОЧЬ

«Натуля, подойди, пожалуйста!» – Наташа едва уловила зов матери сквозь громкое шварканье подсолнечного масла.

– Сейчас! – крикнула она, одной рукой вываливая нарезанную картошку на сковородку, а другой – убавляя температуру в духовке.

– Наташа, ты разве не слышишь меня? – вновь раздался на этот раз требовательный голос матери.

Переход с «Натули» на «Наташа» означал, что Клавдия Андреевна начала проявлять нетерпение. Дочь прекрасно знала все оттенки своего имени в зависимости от настроения матери. Далее могло последовать «Наталия» – явный признак раздражения и, наконец, безликое «Ты», свидетельствующее о злости. Хотя на кухне дел было по горло, Наташа убавила огонь в кухонном мартене (так она называла газовую плиту) и вытерла пот со лба – если протянуть до «Наталии», мать может заявить, что подскочило давление, и, чего доброго, придется вызывать скорую.

Никто бы не рискнул назвать 82-летнюю Клавдию Андреевну старухой. На редкость стройная пожилая дама в нарядном платье с чуть заметными морщинами на хорошо припудренном еще сохранившем следы былой красоты лице сидела в кресле у торшера и сосредоточено смотрела в журнал.

– Чем ты там занимаешься, Наташа? – спросила она, глядя на дочь поверх очков.

– Ужин готовлю.

– Ну, хорошо. Назови-ка, пожалуйста, горную систему в Северной и Южной Америке.

– Я не помню, мама.

– О, Господи! Взгляни тогда в интернете. Это ключевое слово в последнем блоке кроссворда. Если его отгадать, станут известны начальные буквы еще трех слов.

Наташа включила компьютер. Клавдия Андреевна регулярно разгадывала кроссворды, но отнюдь не из-за пристрастия к этому занятию, а для тренировки памяти, и любила, когда дочь составляла ей компанию.

– Кордильеры, – наконец отыскала Наташа нужные горы в Америке.

– Да, подходит, – удовлетворенно кивнула головой Клавдия Андреевна. – Спасибо, Наташа.

Сели ужинать.

– Ты разве не отваривала картошку, перед тем как жарить? – недовольно спросила Клавдия Андреевна.

– Нет, – виновато созналась дочь.

– Неужели забыла, что мне нравится картошка, приготовленная именно таким способом.

– Извини мама, я готовила ужин в спешке.

– По гостям, наверное, после работы разгуливала – вот и спешка, – проворчала мать, очень болезненно относившаяся к задержкам и отлучкам дочери.

– Не по гостям, а по магазинам – продукты закупала.

– Продукты – можно подумать я ничего не покупаю!

– Ты ходишь только за хлебом, иногда за молоком, все остальное на целую неделю вперед, не утруждая тебя, покупаю я. Вот и сегодня еле приволокла две неподъемные сумки.

– Как ты можешь такое говорить – ведь врач запретил мне носить более пяти килограмм зараз! – обиженно воскликнула мать, и Наташа замолкла.

После ужина Клавдия Андреевна принялась добивать кроссворд. Наташа включила телевизор. На спортивном канале показывали чемпионат Европы по художественной гимнастике, которой она занималась в юности. Но посмотреть соревнование не удалось. Через десять минут Клавдия Андреевна отложила журнал и сказала:

– Что ты смотришь? Переключай на 1-ю программу – там уже началось мое любимое ток-шоу.

Наташа безропотно отдала пульт и отправилась на кухню мыть посуду.

Жизнь потеряла для Наташи интерес и превратилась в сплошную череду обязанностей, не когда умер муж, а одиннадцатью годами раньше – когда она взяла к себе мать. Детство Наташа провела в Приднестровье, в Бендерах, где отец служил по хозяйственной части в окружном госпитале. Она рано окунулась в самостоятельную жизнь – в третьем классе. Именно тогда Клавдия Андреевна вздумала получить второе высшее образование и поступила на заочное отделение одного из одесских институтов. Пошли контрольные, курсовые, зачеты, экзамены – времени на ребенка катастрофически не хватало. Скоро Наташа волей-неволей в ущерб детским играм выучилась следить за домом и неплохо готовить.

Эмоциональная Клавдия Андреевна относилась к дочери неровно. Находясь в приподнятом настроении, зацеловывала и задаривала подарками, но будучи не в духе – отчитывала и попрекала. Главный упрек состоял в том, что роды были очень тяжелыми, с кесаревым сечением, что врачи с трудом спасли ее висевшую на волоске жизнь и что теперь ей больше нельзя рожать, а она так хотела второго ребенка – сына. Слабовольный отец при подобных разговорах помалкивал, но, оставаясь с дочерью вдвоем, говорил: «Ты не обращай внимания – это у мамы все от нервов». Как бы там ни было, постоянные упреки подспудно привили у Наташи чувство вины пред матерью, а та, ощущая внутреннее смирение дочери, продолжала давить – дескать, ты всем, включая жизнь, обязана мне.

Клавдия Андреевна получила второй диплом экономиста, но работать по новой специальности не стала, более того – вообще бросила работу. Причина? – состояние здоровья. Каких только болезней у нее сразу не обнаружилось: гипертония, стенокардия, артроз, глаукома и,

конечно, по линии гинекологии. Чем они вызваны? – тяжелыми родами. Кто виноват? – разумеется, дочь. Больная стала регулярно посещать врачей и строго выполнять их предписания. Нельзя наклоняться и поднимать более пяти килограмм – ни за что не наклонится и не поднимет! Окончательно погрузившись в собственные болезни, Клавдия Андреевна сдавала анализы, делала ЭКГ, ходила на физиопроцедуры, ездила в санатории – но хвори не отпускали.

Наташа окончила школу и поступила в московский вуз. Вдали от родительского дома она словно расправила крылья – никто не давил и не попрекал. На четвертом курсе вышла замуж и перед самой защитой дипломной работы родила дочку. Вскоре муж получил двухкомнатную квартиру. Казалось бы, живи и радуйся, но вдруг развалился Советский Союз, и в Приднестровье вспыхнул военный конфликт. Наиболее ожесточенные бои разгорелись в Бендерах. Наташа, бросив все дела, поехала в родной город и забрала мать в Москву – отца к тому времени уже не было в живых.

Клавдия Андреевна не спешила возвращаться в нестабильную и разоренную войной самопровозглашенную Приднестровскую республику, хотя у нее там оставалась квартира. Наташа не возражала – если маме нравится, пусть живет с ними. И мама стала жить. Разместилась в комнате внучки Гали, которой пришлось спать на кухне. Девчонка от такой житухи выскочила замуж в неполные восемнадцать лет – лишь бы уйти из дома.

И вообще с переездом Клавдии Андреевны отношения Наташи с дочкой ухудшились – особенно когда она стала бабушкой. Галя обижалась, что та мало внимания уделяет внуку. Наташа была бы рада брать Андрейку к себе, но у матери от детского крика и беготни начиналась головная боль. Нельзя сказать, что Клавдия Андреевна не любила правнука, но любила на расстоянии. При коротких встречах обожала сюсюкать «Ах, ты мой миленький, ах, ты мой ненаглядный!». Иногда покупала малышу всякую вкуснятину, но много не давала, пугая «Хватит, Андрейка, больше нельзя, не то животик заболит», – и сама с аппетитом доедала оставшееся. Зятя Клавдия Андреевна не жаловала и старалась не контактировать, да он скоро и погиб в автокатастрофе.

Как ни странно, в Москве Клавдия Андреевна, по-прежнему жалуясь на болезни, практически перестала ходить по врачам. Это обстоятельство объясняла тем, что органически не переносит битком набитый столичный транспорт – в Бендерах поликлиника была в двух шагах от дома.

Покинув родные места, Клавдия Андреевна так и не завела новых знакомых и жила спокойной размеренной жизнью: завтрак, утренний моцион в ближайшем сквере с заходом в магазин за хлебом, обед, послеобеденный сон, чтение, кроссворды, телевизор, ужин и вечернее общение с дочерью, выливающееся в сплошные нравоучения. Абсолютно убежденная в собственной правоте, она больше всего любила учить и кокетничать возрастом.

– Вот доживешь до моих лет – узнаешь, что такое старость и какого быть больной, – обычно заводила она заезженную пластинку.

– Мама, – отвечала Наташа, – между прочим, почти все твои болезни у меня появились на 5–6 лет раньше.

– Это потому, что ты наплевательски относишься к здоровью! Зачем перенапрягаешься и берешь на дом сверхурочную работу?

– Жизнь дорожает с каждым днем, а у меня не такой уж большой оклад.

– А деньги, которые приходят из Бендер за квартиру – ведь я их целиком отдаю тебе.

Небольшие деньги из Приднестровья действительно приходили. Правда, когда очередные квартиранты съезжали, наступал перерыв – пока единственная оставшаяся в Бендерах родственница, внучатая племянница Клавдии Андреевны Вера, не находила новых постояльцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.